

- Чушь! Как простые насекомые могли унести десять тысяч лянов серебра! - Гуань Давэй пришел в ярость. Не будь он бессилен перед Чжуан Чжуном, он бы давно приказал схватить этого бывшего монаха и выпороть его раз сто.

Чжуан Чжун почтительно поклонился Фэн Хуаню.

- Ванье, эти белые муравьи выделяют вещество, называемое муравьиной кислотой. Оно разъедает камни и металл. Когда серебро вступает в реакцию с муравьиной кислотой, оно превращается в мелкий порошок, и муравьи поедают его как лакомство*. Хотя десять тысяч лянов - это огромное количество серебра, этих муравьев гораздо больше.

Инь Дамэй недоверчиво спросила:

- Это... Это правда? Муравьи действительно могут есть серебро? Получается мои десять тысяч лянов просто пропали?

Гуань Давэй холодно фыркнул:

- Этот мальчишка несет полную ерунду. Он просто хочет поскорее закрыть дело и обвинить кого попало, чтобы прославиться.

Инь Дамэй и Цянь Жун переглянулись. Они действительно никогда о таком не слышали и не могли понять, правда ли это. Они почувствовали облегчение, но в то же время были глубоко обеспокоены. Потеря десяти тысяч лянов серебра была для них действительно большим ударом, но снятие обвинений принесло облегчение. С тех пор как император обратил внимание на это дело, Гуань Давэй начал выдвигать дикие обвинения. Если бы не покровительство Иньсяньфэй, их бы пытали, пока они не признались.

Но если настоящий вор не найден, а дело останется нераскрытым, они боялись новых ограблений. Даже если бы у них были горы золота и серебра, они не выдержали бы подобного. Они совершенно растерялись.

Чжуан Чжун посмотрел на Гуань Давэя.

- А если я докажу, что именно эти белые муравьи украли серебро, что тогда?

Гуань Давэй прищурился. Увидев, насколько уверен Чжуан Чжун, он забеспокоился. Неужели это правда? Но это же серебро! Муравьи бы умерли, если бы съели его.

Чжуан Чжун усмехнулся.

- Что, боишься? Ты только что поднял такой шум, наверное, ты все время знал, что это белые

муравьи украли серебро, но молчал, чтобы побольше нажиться во время расследования. Пока эти муравьи здесь, серебро может исчезать и дальше, и ты сможешь получить больше выгоды.

Гуань Давэй хотел было промолчать и не спорить с Чжуан Чжун, но, услышав это, разозлился.

- Чушь! Этот скромный чиновник честно служит и добросовестно выполняет свои обязанности. Как ты смеешь так клеветать на меня!

- Неужели? Тогда почему ты не хочешь ни спорить со мной, ни признать, что воры - это эти муравьи?

- Мальчишка, неужели ты думаешь, что этой дешевой провокацией ты меня проведешь?

Чжуан Чжун стоял, заложив руки за спину, прямой, как молодой бамбук.

- Я не смею обманывать, это действительно провокация. Я просто хочу посмотреть, осмелишься ли ты, Гуань Давэй, взять на себя ответственность за свои слова и поступки. Вспомни, с какой уверенностью ты подозревал Лао Лю в краже, как игнорировал показания и прибегал к жестоким пыткам, чтобы выбить из него признание. Ты говоришь, что только пытками можно заставить преступника заговорить. Если бы он действительно был преступником, он заслуживает наказания. Но если нет, Гуань-дажэнь, ты знаешь выражение «бить до тех пор, пока не признается»?

Гуань Давэй возмутился:

- Я действую так только для того, чтобы выяснить истину как можно быстрее.

Чжуан Чжун чуть заметно улыбнулся.

- Тогда вопрос: Гуань-дажэнь, на этот раз, ради поиска истины, будешь ли ты так же беспощаден к себе, как к другим? Я, ничтожный, уверен, что воры - эти белые муравьи, и готов отвечать за свои слова. Если это не они, я сам подставляюсь под пятьдесят ударов палками от стражников. Гуань-дажэнь, ты говоришь, что мои слова - чушь. Осмелишься ли ты поспорить со мной ради правды? Но в отличие от меня, простого ничтожного, пятьдесят ударов для тебя неуместны. Как насчет того, чтобы поставить на кон свой пост?

Чем больше Чжуан Чжун говорил, тем больше Гуань Давэй чувствовал себя неуверенно. Может ли быть так, как утверждает этот мальчишка? Но уступить сейчас означало бы потерять лицо. Тем не менее, ставить на кон свою должность было совершенно невыносимо. Сколько усилий он приложил, чтобы ее получить. Он не мог так просто ее потерять.

Гуань Давэй выпрямился и яростно и пылко произнес:

- Этот чиновник служит на благо народу! Как я могу пренебречь своим священным долгом и игнорировать общее благо, вступая в спор с каким-то мальчишкой?

Если бы это был мультик, в этот момент Гуань Давэй засиял бы золотым светом.

Все присутствующие потеряли дар речи. Чтобы быть чиновником, действительно нужно иметь толстую кожу!

Фэн Хуань холодно заметил:

- В Министерстве чинов очередь из кандидатов, ожидающих назначения. Если ты не можешь сравниться с мальчишкой из школы права, и при этом отказываешься учиться, можешь освободить место.

Гуань Давэй побледнел. Он не осмелился сказать ни слова, но бросил на Чжуан Чжуна яростный взгляд.

Чжуан Чжун презирал его. Гуань Давэй был груб и жесток в своих расследованиях, но когда дело касалось его должности, он становился невероятно щепетилен.

Цянь Жун и Инь Дамэй, видя это, все больше убеждались, что Чжуан Чжун говорил правду. Чжуан Чжун был богато одет, явно не из простой семьи, к тому же ученик школы права. Если бы он не был абсолютно уверен, он не стал бы так рисковать. Боль в заднице от ударов палкой - это одно, но потеря репутации была гораздо серьезнее.

Супруги выглядели совершенно подавленными. Десять тысяч лянов серебра просто пропали - как они могли не быть в отчаянии?

- Верни это серебро, - вдруг сказал Фэн Хуань.

Цянь Жун и Инь Дамэй замерли, а глаза Гуань Давэя расширились от недоверия. Разве оно не было съедено белыми муравьями? Как его можно было вернуть? Не обманул ли намеренно его сейчас этот мальчишка? Сердце Гуань Давэя было полно досады.

Чжуан Чжун моргнул.

- Откуда ванье знает, что я могу вернуть это серебро?

Фэн Хуань поднял бровь.

- Ван просто знает.

- Ванье мудр и рассудителен, у него зоркий глаз, от него ничего не утаишь, - тут же польстил Чжуан Чжун, затем повернулся к супругам и спросил: - Есть ли у вас большая печь?

Цянь Жун и Инь Дамэй, хотя и были озадачены, но приказали ее принести. Вскоре принесли большую печь и развели огонь.

К этому времени люди Фэн Хуаня ходили по улицам и били в гонги и барабаны, чтобы привлечь толпу. Услышав, что воры, ограбившие денежный дом «Сыхай», и серебро найдены, все пошли ко входу, чтобы заглянуть и посмотреть, что происходит.

Не дожидаясь приказа Фэн Хуаня, Цянь Жун распахнул ворота во двор, пропуская толпу внутрь.

- Где воры?

- Зачем разожгли печь?

Странная картина во дворе вызвала у зрителей любопытство, привлекая все больше людей.

Фэн Хуань сидел в стороне и не собирался вмешиваться, поэтому Чжуан Чжуну пришлось выйти вперед. Указав на белых муравьев, собранных в корзину, он громко объявил:

- Эти белые муравьи - похитители серебра!

Его слова вызвали волну шепота.

- Муравьи едят серебро? Вот так новость!

- Белые муравьи! Эти твари могут целый дом изъесть до дыр. Говорят, на юге их полно. Я однажды слышал, как один юноша из Линнаня рассказывал о них - жуть берет. Я бы никогда и не подумал, что они могут съесть серебро. Но разве это не означает, что серебро просто пропало?

- Десять тысяч лянов серебра! Эти муравьи действительно умеют находить еду!

- Может быть, они не смогли найти настоящих воров и решили все свалить на муравьев? Как обычные муравьи могут быть настолько страшными?

Зеваки бурно обсуждали теории, и вокруг было оживленно.

Фэн Хуань бросил многозначительный взгляд на Чжуан Чжуна, и тот продолжил:

- Сейчас муравьи вернут серебро!

На этих словах толпа заволновалась. Стражники принялись сбрасывать муравьев в печь. От их количества у всех онемела кожа головы.

- Я не ослышался? Они вернут то, что съели?

- Кажется именно это сказал молодой господин. Давайте посмотрим, что из этого выйдет. Не зря пришли, нас определенно ждет зрелище.

Всех муравьев бросили в печь. Когда через некоторое время пламя угасло, на дне стал виден блестящий серебряный слой.

Кто-то воскликнул:

- Это что, серебро?

Когда его достали, толпа взорвалась от удивления. Это действительно было серебро!

Фэн Хуань приказал его взвесить. Полученное количество почти совпало с украденным.

Хотя муравьи с помощью муравьиной кислоты могли есть серебро, они не могли его переварить, так что оно оставалось у них в организме. Поэтому, когда муравьев бросили в печь и разогрели ее до температуры плавления серебра, оно восстановилось.*

Столкнувшись с этим неопровержимым доказательством, Цянь Жун и Инь Дамэй были полностью убеждены. Оба они с грохотом упали на колени перед Чжуан Чжуном.

Голос Инь Дамэй был громким и четким, чтобы все присутствующие услышали ее слова:

- Молодой господин действительно воплощение справедливости! Если бы не твоя пронцательность, наш денежный дом «Сыхай» потерял бы не только серебро, но и репутацию! Мы благодарим тебя за помощь, молодой господин, и за восстановление нашего доброго имени!

Цянь Жун воскликнул:

- Молодой господин спас наш денежный дом!

- Встаньте, пожалуйста, вы оказываете мне слишком много чести, - Чжуан Чжун поспешил помочь им подняться, прекрасно понимая, что потеря десяти тысяч лянов серебра едва ли

заслуживает такой благодарности. Они скорее просто стремились завоевать расположение Фэн Хуаня и создать шум на публике. Привозноса его, как справедливого и честного чиновника, они отвлекут внимание от того факта, что их хранилище действительно оказалось не таким уж надежным.

- Молодой господин, ты знаешь, как защититься от муравьев? Когда строили это хранилище, мы не обнаружили здесь такого огромного муравейника, да и вообще муравьев мы здесь не видели, - сказал Цянь Жун. Он полагал, что, поскольку Чжуан Чжун так хорошо знаком с этими насекомыми, он наверняка знает, как с ними бороться.

При этих словах многие навострили уши. Белые муравьи были редкостью в столице, поэтому все были удивлены, увидев, как их сжигают, чтобы извлечь серебро. То, чего не знаешь, кажется невероятным.

Чжуан Чжун покачал головой:

- Этого я не знаю. Они чаще встречаются на юге, там должны быть опытные мастера. Хозяин Цянь мог бы послать туда кого-нибудь узнать. Белые муравьи, как и тараканы, иногда перемещаются с товарами из других мест. Возможно, именно так они и попали сюда. Учитывая их быстрое размножение, теперь они стали настоящей армией.

Цянь Жун низко поклонился.

- Спасибо молодому господину за совет.

Но Чжуан Чжуна волновало другое:

- Что с Лао Лю?

Цянь Жун невольно взглянул на Гуань Давэя. Тот бросил на него холодный взгляд, и Цянь Жун тут же опустил голову.

- Он тяжело болен, хотя его жизнь не в опасности. Тем не менее, он сильно страдает.

- В любом случае, ваш денежный дом несет ответственность за его нынешнее состояние. Я верю, хозяин Цянь не оставит его без средств после такой несправедливости.

Цянь Жун поспешно заверил:

- Будьте уверены, молодой господин. Я не буду с ним несправедлив. Вся эта история произошла из-за того, что наш денежный дом не провел надлежащее расследование. Эх, он всегда был самым надежным человеком, иначе я бы никогда не доверил ему ключи от казны. Кто мог

подумать, что из-за этих муравьев все так обернется? Я глубоко ценю твою доброту и что ты помнишь о нем. Цянь благодарит тебя от его имени.

Публично дав обещание, Цянь Жун не посмеет его нарушить, и Чжуан Чжун успокоился. В тот день он увидел, в каком ужасном состоянии Лао Лю. В Да Ю не предусматривались компенсации, так что оставалось только смириться с несправедливостью. Так что он хотел обеспечить будущее старика.

Главный же виновник - Гуань Давэй. Чжуан Чжун прищурился. Даже если не удастся снять его с должности, нужно содрать с него шкуру!

Чжуан Чжун уже повернулся, чтобы уйти, но Инь Дамэй приказала принести большой сундук. Она громко сказала:

- Молодой господин, это награда, которую я, Инь Дамэй, обещала. Всего две тысячи лянов, двумя частями по тысяче. Прошу, внимательно пересчитай.

Удивленный Чжуан Чжун поспешно замахал руками.

- Это всего лишь моя обязанность. Не стоит, это против правил.

Независимо от того, как критиковали полицейских в современном мире, как бы ни была плоха их репутация в интернете, Чжуан Чжун твердо верил, что большинство полицейских, как и обычные граждане, просто выполняют свой долг и не берут лишнего. Он сам был таким. Большинство не занималось коррупцией и не нарушало закон ради хорошей репутации или сохранения работы. Хотя он не отрицал наличия в полиции недобросовестных личностей, мир не был настолько мрачным, и Чжуан Чжун твердо придерживался своих принципов.

Поэтому, когда ему публично предложили такую значительную сумму в качестве взятки, Чжуан Чжун опешил.

Инь Дамэй, однако, смотрела на него с недоумением, как будто он сошел с ума.

- Почему нет? Я объявила награду за работу, а ты ее выполнил. Это серебро принадлежит тебе. Или тебе не нравится, что оно выплавлено из муравьев?

Чжуан Чжун не знал, смеяться ему или плакать. Он серьезно ответил:

- Расследование - это моя работа. Брать за это дополнительную плату неправильно. Если все будут вести себя так, поощряя подобную практику, то бедные люди не смогут добиться справедливости.

- Хорошо сказано! - Крикнул кто-то в толпе, и собравшиеся одобрительно загудели.

Инь Дамэй нахмурилась.

- Но я публично дала обещание. Отказаться от него сейчас означало бы нарушить свое слово. В денежном доме «Сыхай» мы ценим доверие превыше всего и твердо держимся своих обещаний. Даже если бы нам пришлось продать все, что у нас есть, и пойти просить подаяние на улицы, мы бы выполнили свои обещания. Если ты откажешься от этих денег, как я смогу снова называться человеком, который держит слово? Я доставлю эти деньги к тебе домой, а ты делай с ними что хочешь. Я не заберу их, даже если они будут лежать на улице.

Обе стороны имели веские аргументы, и на мгновение две тысячи лянов серебра стали горячей картошкой.

В этот момент Фэн Хуань сказал:

- Чжуан Чжун, ты еще не на государственной службе. Дело о краже было раскрыто благодаря тебе. Ты должен получить награду, предложенную денежным домом «Сыхай».

Таким образом, Чжуан Чжун законно заработал две тысячи лянов серебра, от чего он почувствовал головокружение. Когда он наконец пришел в себя, его охватила паника. Инь Дамэй обрадовалась и, прежде чем он успел сказать хоть слово, она уже поспешно сунула ему серебро.

Чжуан Чжун понимал, что Инь Дамэй не настолько щедра, она просто пытается спасти репутацию денежного дома. Отказ был бы совершенно бестактным. К тому же он и правда официально не состоял на службе и получение денег в этом случае не считалось нарушением. Поэтому он принял серебро, но тут же положил его в денежный дом «Сыхай». Цянь Жун и Инь Дамэй были в восторге от поступка Чжуан Чжуна и осыпали его лестью. Тем временем Гуань Давэй оказался задвинут в угол, его полностью игнорировали.

Когда суматоха улеглась, и толпа разошлась, Гуань Давэй в ярости ушел, размахивая рукавами. Служащие яменя больше всего любили заниматься делами торговцев, потому что они приносили больше всего денег. Но теперь не только его усилия оказались напрасными, но и его репутация пострадала. Как Гуань Давэй мог не быть в ярости?

Чжуан Чжун нахмурился.

- Ванъе, за такое неподобающее поведение Гуань Давэй отделается всего лишь пустяковым наказанием?

Гуань Давэй был наказан за свою некомпетентность в расследовании, но на самом деле он просто перешел с одного места на другое. В качестве наказания его сняли с должности, в том

числе в назидание другим, но потом назначили на другую должность, даже более высокую. При этом все стороны оказались в выигрыше. Это было великолепным политическим маневром.

Фэн Хуань поднял бровь.

- Все зависит от твоих способностей.

Чжуан Чжун вздохнул и потер виски:

- Я продолжу просматривать архивы.

Фэн Хуань покачал указательным пальцем.

- Учитывая такую хорошую возможность, сейчас есть способ получше.

Чжуан Чжун был озадачен.

- Прошу ванье научить меня.

Фэн Хуань многозначительно улыбнулся.

- Воин владеет мечом, ученый - кистью.

Чжуан Чжун сразу все понял и хлопнул себя по лбу.

- Я совсем забыл об этом! Спасибо ванье за напоминание!

- Если хочешь поблагодарить меня, угости вином, - Фэн Хуань помолчал и добавил: - Точнее лучшим вином из павильона Тяньсян.

Чжуан Чжун распахнул глаза.

- Ванье, это же грабеж! Я не смогу позволить себе это вино, даже если продам себя!

Фэн Хуань покосился на него:

- Ты только что получил две тысячи лянов в качестве награды, а теперь прикидываешься бедняком?

Только тогда Чжуан Чжун вспомнил.

- Это первый раз, когда у меня есть такие деньги, - сказал он смущенно. - Мне все еще кажется, что они не мои. Ах!

Чжуан Чжун вдруг вспомнил кое-что.

- Последние два раза, когда мы пили, оба раза платил я. Ты всегда заказывал самое дорогое вино, да еще и так много. Это же грабеж бедных для обогащения богатых!

Фэн Хуань вспомнил, что это и правда было так. Обычно, куда бы он ни пошел, ему не нужно было платить самому, так что он не запоминал таких мелочей. Он презрительно усмехнулся:

- И ты еще помнишь такую ерунду? Ты же сын вана, и так ты себя ведешь? Тебе повезло, что я соизволил присоединиться к тебе. Бесчисленное количество других выкладывали передо мной золото и серебро, но я никогда не удостоивал их своим вниманием.

Чжуан Чжун закатил глаза.

- Это потому, что им нужна твоя благосклонность и помощь, и у них, естественно, много денег.

Фэн Хуань поднял брови.

- А тебе не нужна моя помощь? Отдай нефритовый кулон, и тебе не надо завтра идти в Верховный суд.

- Теперь он мой! - Чжуан Чжун поспешно прикрыл кулон на поясе и виновато улыбнулся. - Сегодняшний вечер отличается от всех других, не так ли? Давай, это всего лишь великолепное вино из Гуйхуа-лоу. Я угощаю! Пей сколько хочешь.

Чжуан Чжун смотрел на стол, уставленный изысканными деликатесами и винами, и его сердце сжималось от боли. Он полагал, что второй по величине ресторан в столице будет предлагать более разумные цены, но стоимость оставалась чудовищно высокой! Огромная сумма, которую он только что получил, мгновенно значительно уменьшилась.

Фэн Хуань не мог смотреть на такого Чжуан Чжуна.

- Это же просто серебро. Почему ты, взрослый мужчина, страдаешь, как девица?

Чжуан Чжун стиснул зубы.

- Ванье, ты просто не знаешь, сколько стоит жизнь. Этот обед стоит столько, сколько простая семья тратит за несколько лет! Есть лучшее применение этим деньгам. Зачем так растрачивать их? Даже если это вкусно, разве благодаря этой еде можно стать небожителем?

Фэн Хуань отмахнулся, но не стал с ним спорить.

- Если ты не будешь, ван съест все сам.

Чжуан Чжун поспешно схватил палочки.

- Деньги уже потрачены. Не есть было бы еще большей потерей. Я сам посмотрю, что же тут такого, что может оправдать эту непомерную цену!

Чжуан Чжун с яростной решимостью воткнул палочки в блюдо, взял кусочек и сунул его в рот. Мгновенно он зажмурился от удовольствия, а все тело словно обмякло.

- Какая же нежная и сочная рыба! Я никогда ничего вкуснее не ел!

Фэн Хуань усмехнулся.

- Вэньюань хоу - человек с утонченным вкусом, очень требовательный в таких вопросах. Полагаю, еда в имении отменная. Чему ты так удивляешься?

Чжуан Чжун покачал пальцем.

- Настроение другое, поэтому и вкус другой. В доме хоу я чувствую себя нахлебником, нежеланным гостем. Как я мог наслаждаться едой, когда ощущаю только беспокойство и неловкость? У блюд теряется большая часть вкуса, от него остается четвертая часть. Теперь, когда я ем то, за что сам заплатил, если я не буду ей наслаждаться в полной мере, я буду сожалеть о потраченных деньгах. Поэтому даже если это будет вкус на шестую часть, я должен выжать из него все до конца, чтобы на душе было спокойно.

- У тебя действительно интересные рассуждения.

- Кстати, почему, несмотря на такие цены, в этом месте всегда столько людей? В столице, оказывается, много богатых, - заметил Чжуан Чжун, чувствуя себя счастливым, что оказался в таком месте. Если бы он оказался в мире воин и смуты, он сомневался, что продержался бы долго.

Фэн Хуань усмехнулся.

- Государство Да Ю процветает, а столица - самое богатое место. Что в этом удивительного?

Люди, выросшие в таких разных социальных условиях, вряд ли могли понять друг друга в этом вопросе. Чжуан Чжун не видел смысла зря тратить силы, и просто наслаждался видами и едой. Раз уж он заплатил, нужно получать удовольствие, чтобы оправдать свои затраты.

Две изысканные крытые повозки остановились у павильона Тяньсян. Чжуан Чжун невольно засмотрелся. Судя по их виду, внутри, должно быть, были члены какой-то влиятельной семьи. Поднялся полог и показалась белая, нежная рука, после чего из повозки вышла изящная девушка, чье лицо было закрыто вуалью. Хотя ее лицо оставалось скрытым, один только ее силуэт говорил о несравненной красоте. Следом вышла еще одна девушка, не такая грациозная и изящная, как первая, она спрыгнула с повозки резво и энергично. Ее лицо, не скрытое вуалью, было необычайно очаровательным и милым, что поражало прохожих. Одета в ярко-красные одеяния, она выглядела вызывающе.

Девушка в вуали поспешно достала из повозки еще один головной убор, намереваясь надеть его на девушку в красном. Однако та отказалась, ответив:

- Я не воровка. Почему я должна скрываться?

Ее голос был похож на песню иволги, мягкий и звонкий.

В Да Ю нравы были довольно свободными, и женщины могли свободно ходить по улицам. Однако девушки из богатых семей обычно носили вуали, чтобы защитить себя от похотливых взглядов, которые могли запятнать их репутацию. Эта девушка в красном, судя по ее одежде, хотя была явно не простого происхождения, вела себя с дерзким пренебрежением к взглядам окружающих. Она шла, совершенно не обращая внимания на пристальные взгляды, в отличие от других знатных девушек столицы.

- На что ты смотришь?

Чжуан Чжун очнулся и смущенно улыбнулся:

- Наслаждаюсь видом.

Фэн Хуань проследил за его взглядом. В его глазах мелькнуло раздражение, а тон стал резким.

- Всего-навсего парочка несмышленных девиц, а ты на них во все глаза смотришь.

Чжуан Чжун почувствовал себя каким-то извращенцем, озабоченным детьми. Обе девушки были красивы, но для него слишком юны.

- Все не так, как ты думаешь. Я просто случайно посмотрел в их сторону.

Фэн Хуань многозначительно произнес:

- Девушка в красном - дочь министра церемоний. Ей шестнадцать. Если она тебе нравится, могу сосватать.

Чжуан Чжун цокнул.

- Если бы ей было двадцать восемь, я бы еще подумал. Но в таком возрасте мне ее брать к себе, только чтобы растить как дочь.

Фэн Хуань пристально посмотрел на Чжуан Чжуна.

- Кто бы мог подумать, что у тебя такие вкусы.

- Я сказал это просто так. Я монах, мирские дела меня не касаются, - ответил Чжуан Чжун, набивая рот мясом и запивая его вином.

Фэн Хуань погладил подбородок.

- На самом деле, быть монахом кажется довольно неплохо.

- Пфф..., - Чжуан Чжун поперхнулся вином. - Ванъе, не пугай меня!

Если бы Фэн Хуань внезапно решил посвятить себя монашеской жизни, а потом бы обнаружилось, что Чжуан Чжун был этому виновником, то ему точно не сносить головы!

Фэн Хуань не обратил на него внимания, разбил печать на кувшине и поставил его перед Чжуан Чжуном.

- Пей! Не уйдешь, пока не напьешься!

На этот раз Чжуан Чжун действительно сильно напился. Когда он вернулся в Императорскую академию, у него все еще кружилась голова.

В комнате был Цзян Сюнь. Чжуан Чжун замер.

- Ты вернулся? Похороны Юань-сюна прошли нормально?

Цзян Сюнь и Юань Лянцзюнь были очень дальними родственниками, они вместе поступили в Императорскую академию, и их отношения стали сложными. После убийства Юань Лянцзюня, как только Цзян Сюнь немного оправился, он отказался от своего обычного уединенного и отстраненного образа жизни. Он помогал семье Юань Лянцзюня в организации похорон. Позже он даже сопровождал семью Юань, провожая гроб в их родной город. Какими бы ни были его мотивы, это, безусловно, вызывало уважение.

Цзян Сюнь выглядел еще более изможденным, чем раньше, но его глаза вновь сияли, и больше не были пустыми, как после приступа безумия.

- Случается, что родители хоронят своих детей... Ну, даже если настоящий преступник пойман, это ничего не меняет, - в глазах Цзян Сюня мелькнула горечь, он покачал головой. - Я слышал, что ты раскрыл дело об украденном серебре из денежного дома «Сыхай». Еще по истории с Юань-сюном я понял, что твои способности исключительны. И теперь я уверен, что это действительно так. Это благо для Да Ю. Чем меньше обиженных душ, тем спокойнее будет мир.

Чжуан Чжун ясно чувствовал, что после этих событий Цзян Сюнь сильно изменился. Он больше не был циничным и грубым, он стал гораздо терпимее к другим. Раньше он никогда бы не произнес ничего подобного.

- Я просто сделал то, что мог.

Цзян Сюнь улыбнулся.

- Не нужно скромничать. Когда-то я считал тебя ни на что не годным, убежденный, что сыновья из богатых семей только и знают, что бездельничать. Каждый раз, когда я видел тебя, то не мог удержаться от колкостей. Теперь я понимаю, как сильно я ошибался. На самом деле это моя собственная ограниченность, моя вера в несправедливость небес, сбили меня с пути.

Чжуан Чжун искренне ответил:

- Цзян-сюн, еще не поздно измениться.

- Моя жизнь в моих руках, а не в руках небес. Вместо того чтобы завидовать тому, что есть у других, я должен сосредоточиться на том, чего могу достичь сам.

Когда Цзян Сюнь закончил говорить, его хмурое выражение полностью исчезло.

Хотя Чжуан Чжун раньше недолюбливал Цзян Сюня, увидев его таким, он искреннее порадовался за него. Цзян Сюнь обладал исключительным талантом, если бы он не загнал себя в тупик, то наверняка достиг бы великих успехов. Видеть его теперь, казалось бы, преобразенным, было действительно прекрасно. Кто из нас не совершал глупостей? По-

настоящему страшно оставаться глупым до самой смерти. Даже если он одумается в середине жизни, то все еще будет уважаемым мужем.

Но сейчас Чжуан Чжун чувствовал только головную боль.

- Я сегодня слишком много выпил, - сказал он. - Полежу немного. Когда проснусь, мне нужно будет написать доклад. Этого собачьего чиновника нужно свергнуть!

- Ты говоришь о Гуань Давэе?

Уже лежа на кровати и засыпая, Чжуан Чжун ответил:

- Да, его. Пока этот глупый чиновник остается на своей должности, люди будут страдать. Увы, мои навыки письма оставляют желать лучшего. Когда проснусь, нужно будет подумать, как правильно составить этот доклад. И мне нужно будет найти того, кто присоединится ко мне. Но я же не ученик Императорской академии. Кто знает, захотят ли меня слушать...

Говоря это, Чжуан Чжун заснул. Когда он проснулся, то был совершенно растерян, не понимая, какой сейчас день и час.

Цзян Сюнь открыл дверь и, увидев, что Чжуан Чжун проснулся, взволнованно протянул ему лист бумаги.

- Что ты об этом думаешь?

Озадаченный Чжуан Чжун взял его и взглянул. От количества иероглифов у него закружилась голова. Но пока он читал, его взгляд становился все ярче и ярче. Его навыки чтения классического китайского письма значительно улучшились, и он быстро понял смысл текста.

Чжуан Чжун не мог сдержать волнения.

- Это... Это...

Цзян Сюнь улыбнулся.

- Ты не ученик Императорской академии, а вот я - да. Такой продажный чиновник, как Гуань Давэй, недостойн занимать свое место. Если бы не твоя проницательность в тот день, кто знает, сколько невинных было бы вовлечено в это дело? Даже я, возможно, не избежал бы обвинений. Человеческая жизнь - важнее всего, но он действует с таким безрассудным пренебрежением и у него по-прежнему такая хорошая репутация. Поистине, Небеса несправедливы. Его репутация человека, способного разрешать сложные дела за один день, вероятно, была построена на такой безрассудности. Кто знает, сколько жизней он разрушил. Ученики

Императорской академии должны отстаивать справедливость. Если ты считаешь, что с этим докладом все в порядке, я найду людей и мы подадим совместную жалобу, чтобы сместить этого некомпетентного чиновника!

- Прекрасно! Ты написал его великолепно! Я буду первым, кто поставит свой отпечаток! - Громко сказал Чжуан Чжун, и его больная голова сразу просветлела. Поистине достойные высшего ученого, слова Цзян Сюня были остры и пронизательны, поражающие прямо в самую суть. Никто не мог прочесть их, не почувствовав гнева. Если этот некомпетентный чиновник не будет немедленно смещен, то обида в сердце не сможет утихнуть.

Чтобы завоевать благосклонность императора, нужно обладать литературным талантом. Чжуан Чжун подумывал о том, чтобы попросить кого-то написать доклад для него, но боялся, что никто не захочет рисковать. Императорская академия больше не была центром общественного мнения, как раньше. Из-за прошлых бесчинств учеников император Цяньсин принял жесткие меры против нее. Один неверный шаг мог разрушить будущее человека. На своем нынешнем уровне он наверняка не смог бы привлечь внимание императора. Вчера он очень переживал по поводу этой проблемы, но теперь все сложилось как нельзя лучше!

Когда академический гений прикладывает усилия, результат отказывается поистине исключительным. Хотя Цзян Сюнь в прошлом был в конфликте с другими учениками, в Императорской академии его талант вызывал уважение. Более того, все были свидетелями поведения Гуань Давэя, и он никому не нравился. Таким образом, они объединились и подали доклад. Более того, даже Лао Лю был готов дать показания. Его подвергали жестоким пыткам не только чтобы заставить его раскрыть правду, но и потому что он отказывался давать взятку!

Позже его семья, не выдержав, заплатила, избавив его от дальнейших наказаний. В противном случае он бы давно погиб, так и не дождавшись обнаружения настоящего вора.

Ученики Императорской академии и школы права объединились в атаке на Гуань Давэя. Это было самое серьезное выступление учеников с момента восшествия на трон императора Цяньсина.

Примечания:

* На самом деле муравьиная кислота вступает в реакцию с некоторыми камнями (например, известняк) и металлами (например цинк или железо), но в целом она не может быстро превратить что-либо в порошок. К тому же важно не только время, но и концентрация кислоты. В последующем примечании будет дополнительная информация, почему автор использует

такое объяснение (сейчас это будет спойлером)

* Примечание в целом про историю с муравьями. В тексте используется слово 白蚁 (bái yǐ) - белый муравей, он же термит. Но термиты не выделяют муравьиную кислоту. И термиты, как и муравьи, не едят металлы. Но в этом деле автор отсылается к 白蚁 (bái mǎ yǐ) - просто «белый муравей». Об этом насекомом есть упоминание в этнографическом и лингвистическом труде Гу Чжансы «Записки о местных обычаях» эпохи Цин. Про 白蚁 там написано: «Тех, кто занимается посредничеством при заключении сделок, называют «белыми муравьями». По слухам, эти муравьи водятся в Гуандуне, они умеют проникать в сундуки и пожирать серебро, оставляя после себя белоснежный помет. Если этот помет собрать и переплавить из него снова можно получить серебро. Поскольку эти люди умело наживают серебро, их и прозвали по аналогии с этими муравьями.»

<http://bllate.org/book/14926/1430649>